

Независимо от того, с какой стороны посмотреть, эта война уже подходила к концу: цинское правительство решило капитулировать по всем фронтам, и, судя по всему, мирным дням Кайпина оставалось длиться недолго.

Ну что ж, все вы, нечисть и демоны, давайте сойдёмся в битве и посмотрим, кто из нас сильнее!

В конце сентября, как и предсказывал Лэй Чжэнь, появился первый «карлик», зарившийся на Кайланьские угольные копи.

В просторном кабинете управления горнодобывающей промышленности Лэй Чжэнь, закинув ногу на ногу и прищурившись, делал маленькие глотки свежесваренного отменного чаю. Прямо перед ним стоял светловолосый голубоглазый тип, уперев руки в боки и размахивая каким-то контрактом, он о чём-то громко вещал.

— Мистер Лэй, это текст договора об уступке Кайпинского горнодобывающего управления, подписанного управляющим Чжаном. В нём указано: начиная с сегодняшнего дня, все земельные участки, причалы, железные дороги, здания, машины, товары Кайпинского горнодобывающего управления, а также принадлежащие ему, находящиеся в его ведении, под его управлением или причитающиеся ему права и интересы настоящим разрешаются, передаются, переуступаются и отписываются на имя Гувера... Гувер имеет право передать, переуступить все полученные по этому договору права, данные и интересы компании «Кайпин Лимитед». Написанный здесь Гувер — это и есть ваш покорный слуга, прошу вас ознакомиться с конкретными пунктами.

— Хм, мистер Гу Хуа... нет, если быть точным, мне следует называть вас вашим английским именем: Герберт Кларк Гувер. Что касается этого частного соглашения, заключенного между вами и мистером Чжан И, могу лишь выразить сожаление, поскольку я не получал от нашего правительства никаких документов о передаче Кайпинских копей! — Лэй Чжэнь холодно усмехнулся. К этому чужеземцу, который сколотил первоначальный капитал на разграблении Китая, а впоследствии стал американским президентом, он не испытывал ни малейшей симпатии.

— Вы, вы просто занимаетесь софистикой! Всем известно, что ваша столица уже захвачена Альянсом, а та властолюбивая вдовушка-императрица сбежала в Сиань — с чего бы ей находить время на дела Кайпинских копей? — Гувер с трудом подавил вспыхнувшую ярость, уперся обеими руками в стол и воинственно повысил голос.

Эти китайцы — упрямцы, которые не склонят голов, пока им не сделают больно. Такой была та вдовушка с Запада, и точно так же ведет себя этот одиозный китаец в солдатской форме, стоящий перед ним.

— Что ж, мистер Гувер, вы правы, вы отлично знакомы с обстановкой в Китае. Посмотрите: Кайпинские копи были основаны лично господином Ли, их капитал складывается из средств цинского правительства и отчасти частных лиц, причем доля казны, вне всякого сомнения,

превалирует. Поэтому, если из Цзунли яменя не поступит официального документа о передаче, то даже при наличии подписи управляющего Чжан И этот договор не имеет никакой силы, и этот момент вы понимаете лучше меня.

Лэй Чжэнь с улыбкой бросил контракт на стол, у него даже не возникло интереса пролистать его. От этого Гувер, с таким трудом выманивший подпись у Чжан И, мгновенно пришел в крайнее уныние.

— Да вы просто извращаете смысл!

Задетый за живое словами Лэй Чжэня, Гувер дошел до белого каления и нервно рассмеялся: этот договор об уступке Кайпинских копей действительно был составлен им и немцем Детрингом втайне от Чжан И, причем в момент подписания Гувер уверял Чжан И, будто речь идет лишь о договоре аренды, а не о продаже.

Быть может, по причине слепого доверия Гуверу, а быть может, под давлением необходимости спасти собственную шкуру, Чжан И поставил подпись. И этим легким росчерком пера он отдал иностранцам богатейшее достояние китайцев — Кайпинское горнодобывающее управление.

— Ха-ха, мистер Гувер отлично выучил китайский язык, и идиома о софистике применена весьма к месту. Однако я хочу сказать вам одно: никогда и ни при каких обстоятельствах не недооценивайте мудрость китайцев; обман не способен скрыть правду, и вам придется за это заплатить.

Столкнувшись с угрозами Гувера, Лэй Чжэнь ничуть не испугался и поднялся на ноги. В его глазах сверкнули леденящие искры, заставив Гувера содрогнуться от внутреннего холода.

Этот малый — не добрый молодец, он меня убьет.

Гувер вдруг пожалел о своем авантюрном путешествии в Кайпин. Хотя война, вызванная китайским движением против иностранцев, подходила к концу, в народе всё еще продолжали сжигать церкви и даже убивать чужеземцев. Этот китаец с первого взгляда казался ярким националистом, до мозга костей презирающим чужестранцев, и вести с ним дела было крайне рискованно.

— Черт побери, во всем виноват этот мистер Чэнь, который трепал языком, будто антииностранная деятельность в Кайпине утихла, а у руля встал некий «господин Лэй», который даже заново открыл школу Святого Фаленци, поощряя учеников изучать западные знания и технологии. Если бы не его слова, я ни за что на свете не сунулся бы в эту дыру.

Перед лицом превосходящего давления со стороны Лэй Чжэня и без того терзаемый смутными сомнениями Гувер отступил. Богатство богатством, но собственная шкура ему дороже: лишившись жизни, не удастся насладиться никакими сокровищами.

— Погоди у меня, я отправлюсь прямиком в штаб главнокомандования Альянса жаловаться на тебя, я разыщу полномочных представителей ваших властей и заставлю тебя с позором выкатиться из Кайпинских копей, мой самый-самый дорогой Лэй! — пятился шаг за шагом Гувер, не переставая сыпать проклятиями.

— О, благодарю за столь пристальное внимание, мистер Гу Хуа. Впрочем, раз уж вы пожаловали к нам, оставайтесь-ка пока на несколько дней в Кайпине — мне ведь нужно проявить гостеприимство! — с фальшивой улыбкой произнес Лэй Чжэнь.

Подумать только: пусть сейчас Гувер всего лишь рядовой американец, но в будущем он станет президентом США! Раз уж такая крупная рыба сама плывет ему в руки, стал бы Лэй Чжэнь упускать шанс содрать с него выкуп?

В нынешние времена хоть шантаж компрометирующими фотографиями еще не вошел в моду, зато в арсенале имелись такие прекрасные вещи, как чистосердечные признания и письма с раскаянием. Имея на руках подобные бумаги, Гувер превратится в беспомощное насекомое, угодившее в паутину: как бы он ни трепыхался, ему не вырваться из лап Лэй Чжэня.

— Ты смеешь меня удерживать? Да у тебя ума палата, ваши власти уже капитулировали перед Альянсом! — в панике завопил Гувер, чуть не растянувшись на полу.

— Вы ошибаетесь, мистер Гувер, я вовсе не задерживаю вас насильно, а лишь собираюсь оказать радушный прием вам и вашим людям, проделавшим столь долгий путь. Сегодня вечером в банкетном зале горного управления вы воочию убедитесь, насколько здесь рады гостям! — с самым благожелательным видом произнес Лэй Чжэнь, однако в глазах Гувера эта улыбка выглядела зловещей.

На сей раз Гувер привел с собой около сотни вооруженных иностранными ружьями охранников. Он полагал, что Кайпин удерживают лишь разрозненные остатки разбитых войск, и под защитой столь мощного огнестрельного отряда он не понесет больших потерь даже в случае открытого столкновения. Кто же знал, что, добравшись до этих мест и попав на территорию Лэй Чжэня, Гувер горько заблуждался.

Под началом этого Лэй Чжэня числилось не несколько сотен, а без малого три тысячи человек! И что еще страшнее — все эти солдаты являлись закаленными в боях ветеранами Тяньцзиня, бывшими подчиненными Не Шичэна. Гувер прекрасно помнил ту китайскую армию, которая под Балитаем, в Цзычжулине и у Арсенала едва не загнала войска Альянса в грязь.

Стоило отряду Гувера ступить на землю Кайпина, как охрана рудников под руководством Сун Чжаньбао моментально разоружила их. Столкнувшись с грозными китайскими солдатами наперевес с винтовками Маузера, даже самые свирепые иностранные варвары были вынуждены сложить оружие и сдаться!

Иностранные варвары капитулируют перед китайской армией!

Эта весть стремительно разнеслась по всему поселку Кайпин и окрестным рудникам. И если раньше слухи о подвигах Лэй Чжэня передавались из уст в уста с изрядной долей сомнения, и даже разносившие их зеваки в глубине души не до конца верили в услышанное, то теперь неоспоримые факты не оставляли места для малейших сомнений.

Молодцы.

Каждый из бойцов господина Лэя — настоящий мужик, стоящий на ногах твердо, как гора, и они в тысячу раз превосходят тех сборщиков податей из зеленых лагерей да знаменных войск цинской династии.

Таким образом, сам того не ведая, Гувер бесплатно поработал на Лэй Чжэня в качестве военного агитатора.

Нетрудно вообразить: если в какой-нибудь день в будущем Лэй Чжэню вздумается созвать здешний люд и он лишь громогласно кликнет: «Все истинные мужчины, марш брать в руки ружья и зарабатывать пайку!», сколько же крепких парней без колебаний, с улыбкой на устах наденут военную форму? Они будут гордиться тем, что стали частью этого элитного войска, отражающего внешнюю агрессию, и станут грезить о том дне, когда их горячая кровь забьется в унисон с трепещущими на ветру боевыми стягами!

Гостеприимный хозяин оставил Гувера у себя — хотя тот вовсе не пылал желанием оставаться, поделаться он ничего не мог.

День, два, три...

Каждое утро Гувер мог лишь совершать короткие прогулки в сопровождении отряда телохранителей-охранников по убогим улочкам Кайпина — это была вся свобода, которой ему удалось добиться.

Лишь на пятый день Лэй Чжэнь наконец соизволил навестить его. Впрочем, о прощальном банкете или освобождении не было сказано ни слова: он просто повел американца посмотреть на несколько предметов.

Три бронзовые звериные головы и одна шестигранная фарфоровая ваза — когда эти дивные сокровища предстали перед глазами Гувера, он едва не сошел с ума от восторга.

— О, боже, китайские сокровища, таинственные дары Востока! — дрожа всем телом, Гувер только и делал, что бормотал себе под нос одни и те же слова.

— Ну как, мистер Гу Хуа, что скажете? Есть ли у вас интерес к этим безделушкам? — поинтересовался Лэй Чжэнь, жестом приказывая подчиненным вернуть выставленные артефакты на прежнее место, пока американец пребывал в оцепенении и экстазе.

— Есть, есть, разумеется, есть! Мистер Лэй, вы благороднейший человек, вы прозорливый коммерческий гений. Послушайте, у меня есть великолепное предложение: хранящиеся у вас сокровища будут не просто сбыты так, чтобы выручить за них реальное золото и серебро. Но если вы передадите мне, Гу Хуа, исключительные полномочия моего агента по продаже этой партии ценностей, вы увидите, как огромные суммы денег непрерывным потоком потекут из-за моря на указанный вами банковский счет!

Гувер вцепился в руку Лэй Чжэня, возбужденно брызжа слюной.

— О, мистер Гу Хуа, ваша задумка неплоха. Но как мне поверить вам? Иными словами, откуда у меня гарантии, что вы найдете покупателя, предложившего наивысшую цену? — с улыбкой спросил Лэй Чжэнь.

— Мистер Лэй, прошу вас, положитесь на мою честность. Клянусь своей репутацией, я стану вашим самым надежным поверенным! — горячо заверял Гувер.

Тот, кто не знал его близко, в этот момент наверняка расстался бы с большей частью своей бдительности, и если бы Гувер продолжил красноречиво усовещивать собеседника, дело было бы практически решено.

К несчастью для него, на этот раз на пути Гувера встал Лэй Чжэнь, который знал о нем всё от и до. Сколь бы сладкими ни были речи американца, они не смогли растопить даже крупинцы доверия Лэй Чжэня.

Демонстрируя сегодня несколько вещей, спасенных из Ихэюаня, Лэй Чжэнь преследовал единственную цель — заманить в сети этого алчного и изворотливого пройдоху.

— Мистер Гу Хуа, у меня есть встречное предложение. Вы хотите стать агентом по продаже сокровищ — ради бога, никаких возражений. Однако давайте изменим способ начисления вашего вознаграждения: будем платить процент от итоговой суммы сделки. Ну, мы, восточные люди, привыкли считать в серебре, так что пусть будет так: если предмет в итоге уйдет за сто лянов серебра, ваша комиссия составит два процента от этой суммы, то есть два ляна; если цена продажи достигнет тысячи лянов, ваша доля — двадцать лянов. Как вам такой подход?

Лучший способ совладать с таким заикленным на деньгах типом, как Гувер, — это запустить механизм процентного вознаграждения, заставляя его утолять голод миражом нарисованного на стене угощения.

— Боже мой, дорогой Лэй, вы поистине гениальный делец, я восхищен! Но взгляните сами: моя свобода передвижения ограничена, и я даже при наличии рынков сбыта не смогу ничего для вас раздобыть... — Два процента! Процент невелик, но курочка по зернышку клюет. Стоит вывезти эти китайские древности в Штаты, как их цена взлетит в десятки раз, и комиссионные естественным образом вырастут. При этой мысли сердце Гувера гулко забилося, однако он изобразил на лице затрунение.

— Не беспокойтесь, мистер Гу Хуа, на завтра я уже приготовил для вас прощальный банкет, и тогда вас ждет куда более приятный сюрприз, — с невозмутимой улыбкой ответил Лэй Чжэнь.

Этот янки действительно подходил на роль торговца краденым. В последние дни Лэй Чжэнь разобрал и рассортировал по категориям все сокровища, вывезенные из Ихэюаня; особенно ценные реликвии национального масштаба он уже спрятал в надежном месте. То были подлинные государственные сокровища, и если бы они утетели за границу через его руки, он поистине стал бы преступником перед лицом истории. Что же касалось прочих вещей — хоть и редких, но не дотягивавших до высшего ранга, — с ними оставалось лишь расстаться со скрипом в сердце.

Сидеть на куче богатств и цепляться за них, словно скупой рыцарь, — тупиковый путь, ведущий лишь к тому, что добычу отнимут другие, более сильные хищники. Это справедливо как для государств, так и для отдельных людей.

Обменять ценности на деньги, а этот капитал пустить на закладку фундамента для укрепления собственной мощи — таков был план Лэй Чжэня, и на данный момент иного выбора у него не оставалось.

С первыми лучами солнца Гувер с темными кругами под глазами влетел в кабинет Лэй Чжэня. Судя по его виду, он не сомкнул глаз за всю ночь, очевидно, лежа в постели и высчитывая причитающуюся ему долю.

— О, мистер Гу Хуа, банкет начнется только вечером, вы рановато пожаловали! — утрированно громко поднимаясь с места, Лэй Чжэнь провел рукой по бронзовой звериной голове на столе и усмехнулся.

— Мистер Лэй, то, что вы говорили вчера вечером — это правда? У вас действительно есть несметные сокровища, куда более ценные, чем эти несколько вещей? — сверля взглядом бронзовую голову, с ноткой подозрительности переспросил Гувер.

Его можно было понять — в это верилось с трудом. Еще год назад он во главе поисковой экспедиции пробирался вглубь Китая в поисках легендарных золотых приисков и императорских гробниц с бесценными погребальными дарами, но в итоге вернулся ни с чем.

Неужели этот прохиндей пытается надуть его фальшивками?!

Если это так, то он сам невольно превратится в соучастника. И тогда обманутые дельцы, объединившись, устроят облаву: с китайца-то им взять нечего, а вот честное имя посредника будет запятнано навсегда.

Пережив приступ лихорадочного возбуждения, Гувер провел ночь без сна, и чем больше он думал об этом, тем страшнее ему становилось. Именно поэтому он прибежал к Лэй Чжэню спозаранку, надеясь докопаться до истины.

Правда открылась ему незамедлительно.

Потому что Лэй Чжэнь без лишних слов сам вложил бронзовую голову ему в руки. Поглаживая присущий лишь настоящей бронзе матовый блеск металла, Гувер чуть не сомлел от счастья.

Это подлинник. Самый настоящий антиквариат, ни капли подделки.

— Мистер Гу Хуа, глядите: в знак моей искренности я решил доверить вам эту бронзовую голову в качестве образца. Думаю, это существенно облегчит ваши переговоры с потенциальными покупателями. Разумеется, взамен я рассчитываю, что вы подпишете соглашение, гарантирующее соблюдение интересов обеих сторон.

Лэй Чжэнь одарил погруженного в экстаз Гувера самой невинной и мягкой улыбкой.

Эта бумага, если называть вещи своими именами, представляла собой закамуфлированную кабальную сделку. Хотя в ней не содержалось требований отдать душу или тело, десять пунктов обязанностей агента были прописаны кристально ясно: не присваивать выручку тайком, не вступать в сговор с покупателями ради занижения цен, не брать взятки, не разглашать важные коммерческие секреты лицам, имеющим прямой интерес. В случае нарушения любого из этих пунктов сторона Лэй Чжэня получала право обратиться в американский окружной суд с иском против Гувера по обвинению в коммерческом преступлении.

Каков итог преступления? Разумеется, тюрьма. А для человека, угодившего за решетку, закрываются любые дороги на политическую арену, и уж тем более ему не светит кресло президента США. Для такого честолобца, как Гувер, тюремное заключение было страшнее смерти.

Рассчитав эту ахиллесову пяту американца, Лэй Чжэнь нанес удар. На первый взгляд составленное им соглашение выглядело вполне справедливо: покуда Гувер честно исполнял обязанности агента, бумага служила лишь мерой предосторожности. Но стоило ему оступиться — и поводок навсегда оставался в руках Лэй Чжэня. Подумать только: каково это — предстать перед судом в качестве обвиняемого будущему американскому президенту? Подобное неминуемо станет сенсацией на первых полосах Washington Post, New York Times и Los Angeles Express.

Хотя бумага показалась американцу несколько подозрительной, Гувер всё же поставил свою подпись. В ту пору он еще не мог предвидеть, что однажды взойдет на президентский пост.

Получив от Лэй Чжэня утвердительный ответ, Гувер заторопился домой: в конце концов, в концессионном районе Цзычжулин его с нетерпением дожидалась молодая жена Лу Генри. О господи, к чему этому проклятому Лэю понадобилось затевать прощальный банкет? Ему вовсе не нужны были никакие пиршества!

Пока ожесточенный Гувер порывался вызвать Лэй Чжэня на дуэль, в окнах зажглись первые огни, и долгожданный банкет в честь прибытия мистера Гувера наконец начался.

С легкой руки автора: тамошние бронзовые головы действительно относятся к тому же типу, что и проданные с аукциона в Гонконге, разве что качеством чуть попроще. Те исторические экземпляры были вывезены за рубеж силами Альянса.

Когда занавес банкета медленно поднялся, Гувер едва не испустил вопль изумления — среди гостей он неожиданно увидел собственную жену. Стоя за шелковой портьерой, она приветливо махала ему рукой.

— Лу, как ты здесь оказалась?

— Дорогой Герберт, как твои дела? Получив твое письмо, я так обрадовалась, что не смогла усидеть на месте и тут же упростила мистера Тан сопровождать меня сюда! — в центре зала Лу Генри крепко обняла мужа, осыпая поцелуями его осунувшееся лицо.

Что здесь происходит?

Почему Лу приехала? Гувер погрузился в полный туман, но тут заметил стоявшего за спиной жены китайского джентльмена в европейском костюме и очках, державшегося с безупречной выправкой. Правда, лицо его выглядело несколько бледным, а в глазах сквозила легкая тень скорби.

— Мистер Тан, благодарю вас за то, что сопровождали мою жену в столь долгой дороге, — кивнул Гувер, и в его взгляде мелькнули редкие нотки искреннего доверия.

— Герберт, не стоит церемоний. Мы друзья, и я был обязан это сделать. К тому же я еще не отблагодарил вас за то, что вы вытащили мою младшую дочь из огня! — с вежливой улыбкой ответил этот китаец с аккуратными усиками. На секунду задержав взгляд на Гувере, он перевел его на стоявшего позади американца Лэй Чжэня.

— Тан Шаои... И впрямь выдающаяся историческая личность, чутье его не подводит! — Лэй Чжэнь с любопытством улыбнулся. Он снова повстречал крупную фигуру. Когда этот провожатый Лу Генри только появился в Кайпине, Лэй Чжэню показалось его лицо смутно знакомым, но лишь услышав обращенное к нему Гувером «Тан», он сообразил, кто перед ним.

Такие исторические знаменитости, как Тан Шаои, не предаются забвению. Лэй Чжэнь припоминал, что вроде бы видел его фотографии, хотя и мельком, не задерживая на них внимания.

Тан Шаои, также известный под именем Шаои, в миру Шаочуань, родился 2 января 1862 года в селении Танцзяцунь волости Танцзя Чжухайской провинции Гуандун. Его отец Тан Цзючуань

был известным в Шанхае торговцем чаем. В 1874 году Тан Шаои в составе правительственной группы был отправлен цинским двором на учебу в Америку, а в 1889 году назначен консулом в корейском Сеуле, где впервые в полной мере проявился его дипломатический талант.

<http://bllate.org/book/21116/2142727>